БЛИЖНИЙ ВОСТОК 15.10.2026 | Маркус Шнайдер

В водовороте войны

Мекканский альянс призван компенсировать отступление США из региона. Из его первых действий очевидны риски этой самостоятельности.

Это геополитическая сенсация. Менее чем через два месяца после громкого создания Мекканский альянс (объединение трех влиятельных государств региона: Саудовской Аравии, Турции и Пакистана) впервые задействовал предусмотренную уставом клаузулу о военной поддержке. Речь идет о помощи Саудовскому Королевству в обороне против йеменских хуситов. Саудовские объекты уже давно под прицелом этих опытных в боевых действиях проиранских ополченцев. Были нападения на важную для мировой экономики нефтяную инфраструктуру.

Для «мекканского ближневосточного НАТО» это не просто первое испытание. Стремление к стратегической автономии побуждает его к операции, связанной с очень большим риском, как политическим, так и военным. Пока неясно, сколько войск и техники на самом деле пришлют Турция (член НАТО) и Пакистан (южноазиатское ядерное государство), но в любом случае эта война уже их собственная из-за официального участия. Если хуситов не удастся остановить, то и поражение тоже будет их – в виде потери престижа, что, вероятно, будет иметь серьезные последствия для обоих режимов, на которые и без того ощутимо давят изнутри их стран.

Мекканский альянс, заключенный тремя государственными лидерами (наследным принцем Мохаммедом бин Салманом, президентом Эрдоганом и премьер-министром Шарифом) в священном месте – не что иное, как формирование постамериканского регионального порядка. Крепкий союз умеренных региональных государств должен хотя бы частично заменить собой ненадежных американцев, вовлекших саудовцев в войну с Ираном. Эта война подрывает самую сущность бизнес-модели арабских стран Персидского залива. Иранские ракеты разрушили образ «острова блаженных» на бурном Востоке. Альянс направлен как против агрессивного Ирана, так и против непредсказуемого Израиля. Эр-Рияд рассчитывал восстановить свой

потенциал сдерживания. Против хуситов, впрочем, эта стратегия пока практически не работает.

С 2022 года Сана и Эр-Рияд были в ситуации *no peace, no war*. Вмешательство Королевства в дела южного соседа, катастрофическое для йеменского гражданского населения, но успешное для саудовских вооруженных сил, было временно прекращено.

В 2026 году война с Ираном положила конец этому хрупкому modus vivendi. Из-за блокады Ормуза существенно возросло стратегическое значение пролива Баб-эль-Мандеб («Ворота слез»), соединяющего Аравийский полуостров с африканским континентом. Королевство стало отправлять большую часть своего экспорта нефти конечным потребителям в Азию именно через этот пролив. Хуситам же это позволило вырваться из изоляции. Кроме поддержки иранских союзников, их интерес заключался в том, чтобы обратить эту новую географию в свою пользу. Отказ Эр-Рияда в возобновлении работы их портов и аэропортов стал поводом к их вступлению в войну.

То, что для Ирана стало облегчением – открытие нового фронта – в Королевстве вызвало страх окружения

То, что для Ирана стало облегчением – открытие нового фронта – в Королевстве вызвало страх в окружении. Ракеты вдруг начали лететь с севера и с юга. Несмотря на упорные призывы, бывшие американские защитники Королевства отказались вмешиваться. А для самостоятельной борьбы саудовские вооруженные силы слабоваты. Согласно девизу «*big toys, small boys*», войско может иметь самое дорогое оружие, но стратегически держаться на коротком поводке. Во дворцах Аравии до сих пор живет память о королевских династиях, свергнутых генералами.

Турецко-пакистанская интервенция, вероятно, позволит Эр-Рияду отдохнуть. Но стремление к стратегической самостоятельности связано с риском новых конфликтов. Таким образом, наследный принц делает *all-in* в войне, которой действительно хотел избежать. Цели войны до сих пор не определены. Речь идет о том, чтобы раз и навсегда избавиться от угрозы со стороны хуситов? Или только о том, чтобы переломить ход йеменской гражданской войны? Вмешательство может еще больше разжечь движение «Ансаралла». Военная мощь хуситов сейчас гораздо серьезнее, чем была с десять лет назад, когда саудовцы вмешивались в прошлый раз. В отличие от того времени, они уже могут частично самостоятельно производить

ракеты и дроны. Тогда тоже было так: начать войну легко, а закончить тяжело. Коалиция из десяти государств не справилась с ополченцами. Или сейчас все иначе?

Именно неравенство борьбы является главной проблемой для Королевства. Эр-Рияд очень тесно интегрирован в мировую экономику. Удары по энергетической инфраструктуре – это удары прямо в сердце экономической модели. Что касается хуситов, то они уже 22 года ведут непрерывный конфликт в очень сложных условиях. Они словно созданы для изнурительной войны с большими потерями. Наследный принц должен сначала подготовить к войне свое общество, живущее с продажи нефти.

С идеологической точки зрения, усиление эскалации может сыграть на руку «Ансаралле». Правящая семья хуситов считает себя хашимитскими потомками Пророка. Легитимность саудовского владычества над святыми местами отрицается по религиозным соображениям. То есть война получает неприятную конфессиональную составляющую. Нельзя с уверенностью утверждать, что господство хуситов закончится на границе Йемена, что это движение не сможет, как когда-нибудь сам Пророк или (по иронии истории) семья Аль-Саудов, захватить Аравийский полуостров с тыла.

Чем дольше будет продолжаться эта война, тем выгоднее для еврейского государства

Для Турции и Пакистана это вмешательство тоже достаточно рискованно. Можно предположить, что оба государства будут избегать отправки крупных военных контингентов на юг Аравийского полуострова. По крайней мере, в начале грязную работу должны выполнять йеменские наемники. Внутри страны войну вряд ли одобрят. Общественное мнение в регионе отдает должное хуситам за сопротивление израильтянам и американцам, но теперь они вовлекаются в то, что злые языки, вероятно, назовут мусульманской братоубийственной войной.

Кстати, Израиль, по-видимому, готовится открывать шампанское. Тель-Авив открыто считает Турцию и Пакистан враждебными государствами. Пока у самого Израиля есть немного покоя посреди войны, его враги из суннитского альянса косвенно воюют против его заклятого врага – Ирана. Это огромный стратегический выигрыш для Нетаньяху, оказавшегося в тупике накануне выборов. Чем

дольше будет продолжаться эта война, тем выгоднее для еврейского государства. В тени эскалации, возможно, будет легче повлиять на ход событий как на оккупированных палестинских территориях, так и в Ливане и на юге Сирии.

Кроме того, было бы наивно отделять обострение войны в Йемене от войны в Персидском заливе. Для Ирана хуситы – ключевой союзник, уже давно более важный, чем «Хезболла». Загнанная в угол террористическая группировка, набирающая бойцов из шиитского меньшинства Ливана (едва ли полтора миллиона душ), несравнима по военной мощи с 30-миллионным квазигосударством «Ансаралла» на юге Аравийского полуострова. Исламская Республика, находящаяся под чрезвычайным давлением, практически не имеет других вариантов, кроме поиска спасения в эскалации конфликта, то есть в поддержке хуситов. Вернуться к старому хаменеистскому ступору означало бы ожидать смерти экономики. Активизация Мекканского альянса теперь чревата прямым конфликтом с Турцией и Пакистаном.

Итак, конфликт в Йемене вписывается в общую картину спирали эскалации, которая с 7 октября 2023 года закручивается все быстрее. От Леванта через Персидский залив и Аравийский полуостров до Африканского Рога: везде пылают огни войны, конфликты все больше переплетаются между собой и усиливают друг друга. Мекканский альянс был попыткой противостоять распространению анархии и сделать свою безопасность менее зависимой от Вашингтона. Однако большая стратегическая автономия означает и большую военную ответственность. Именно в Йемене решится, сможет ли альянс выполнить свое предназначение или сам попадет в водоворот войны, которую стремился сдержать.

По этой ссылке статья откроется без VPN

Маркус Шнайдер
Бейрут
Маркус Шнайдер (Marcus Schneider) возглавляет Региональный

проект Фонда им. Фридриха Эберта в поддержку мира и безопасности на Ближнем Востоке, расположенный в Бейруте (Ливан). Ранее он работал в главой Представительств Фонда в Ботсване и на Мадагаскаре.